

кушность этих трех составных частей, их постоянная взаимосвязь и взаимодействие и дают в своей динамике то, что мы называем общностью языка нации.

Большого внимания заслуживает разбираемая А. Г. Базиным и М. И. Исаевым проблема государственного языка. Критика В. И. Лениным и Коммунистической партией идеи государственного языка дала гениальное решение одного из труднейших аспектов национального вопроса. Политика насильственного навязывания языка господствующей нации всем угнетенным и неравноправным народам выступает как составная часть национальной политики современных капиталистических государств. Такая политика проводилась также царским правительством. Необходимость и историческая потребность иметь общеобязательный и общенациональный для трудящихся всех народов России язык, орудие их сплочения в борьбе и средство их скорейшего приобщения к передовой культуре натолкнули некоторых российских марксистов на мысль о сохранении государственного языка и при социализме. В. И. Ленин обстоятельно разъяснил ошибочность такой позиции. «За государственный язык стоять позорно. Это полицейщина. Но проповедовать мелким нациям русский язык — тут нет ни тени полицейщины», — пишет В. И. Ленин⁸.

Несмотря на всю ясность проблемы государственного языка, опирающуюся на ленинское положение, А. Г. Базин и М. И. Исаев сочли целесообразным обратить внимание исследователей на недопустимость отступлений от него в наши дни. Эти отступления заключаются в том, что имеющее место в жизни свободное развитие национальных языков коренного населения союзных и автономных республик, расширение их функций и сфер применения некоторые исследователи истолковывают как перерастание этих языков в государственные. Не

говоря о более ранних утверждениях подобного рода, можно было бы здесь сослаться на многотомное издание «Языки народов СССР» (М., 1966), в I т. которого литовский и латышский, а во II т. — якутский языки названы государственными языками соответственно Литовской ССР, Латвийской ССР и Якутской АССР. Такое же утверждение содержится в книге Н. К. Кийкбаева «Торжество ленинской национальной политики в Казахстане (1917—1967)» (Алма-Ата, 1968, стр. 263) в отношении казахского языка.

Как показано в книге А. Т. Базинова и М. И. Исаева, последовательная борьба В. И. Ленина и Коммунистической партии против обязательного государственного языка, за равноправие и свободное развитие всех национальных языков привели не к языковому полицентризму и хаосу, а, наоборот, к невиданному языковому единению народов страны на базе огромного роста выразительных возможностей всех национальных языков, добровольного выделения одного из равноправных языков, — русского языка, — в качестве межнационального.

Большую ценность представляет данная в конце книги «Основная литература», являющаяся по существу первой обширной библиографией (свыше 500 названий) по национально-языковой проблематике и социолингвистике.

Книга А. Т. Базинова и М. И. Исаева, написанная доступным для широких читательских кругов языком, служит полезному делу постановки и пропаганды социолингвистических проблем, ленинской национальной, в том числе языковой, политики Коммунистической партии, широкому разъяснению лингво-социологических знаний.

Разумеется, не все положения авторов встретят одинаковое одобрение специалистов. Это и понятно, так как авторы не уходили от обсуждения сложных вопросов, научная разработка которых зачастую только намечается.

К. Х. Ханазаров

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 48, стр. 302.

Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М., изд-во МГУ, 1973. 234 стр.

Заглавие книги — «Язык и культура». Эта многоаспектная проблема ограничена подзаголовком — во взаимосвязях языка и культуры выделяется один аспект, важный в методике преподавания одного конкретного языка, в данном случае русского. Аспект этот назван лингвострановедением.

«Лингвистика» и «страноведение» — термины давно известные, хотя и не всегда они понимаются однозначно (стр. 11—45). Авторы предлагают еще один новый термин — «лингвострановедение» и при этом уточняют объем значения терминов «культуроведение» и «страноведение». Культуроведение — это изучение

культуры. Здесь сама культура — и «отправная точка, и цель познания». Страноведение же предполагает изучение культуры в связи с изучением языка, «цель познания» — язык, его функционирование в естественной национально-специфической среде (стр. 45, 51). Лингвистический аспект в преподавании языка охватывает план языкового выражения и, на мой взгляд, определенного языкового содержания (значения слов, морфем, грамматических категорий и т. п.). Лингвострановедческий аспект — это и план языкового выражения, и план содержания — языковое значение плюс культурно-историческое отражение жизни народа в языке.

Такой подход к преподаванию языка позволяет истолковать языковую специфику в неразрывной связи с жизнью, бытом и культурой народа. Чтобы создать «языковую картину», достаточно полно и глубоко отражающую жизнь народа, нужно столь же полно и глубоко изучить язык на всех его уровнях — лексическом, грамматическом, фонетическом и стилистическом. Изучение языка как бы протекает на фоне повседневной жизни и сложившихся культурно-социальных традиций. Такое изучение языка хотя и является до сих пор идеальным, ставит перед педагогом и его учениками грандиозные и трудно разрешимые задачи, если не дифференцировать языковой и культуроведческий материал, не отображать необходимые культурно-исторические сведения. Именно это считают авторы основной задачей лингвострановедения: не исследование культуры вообще, а поиски и отбор культуроведческого материала, «а также определение наиболее эффективных путей его презентации, закрепления и дальнейшей активизации» (стр. 45). При таких поисках и отборе учебного материала на первый план выдвигается проблема «язык — человечество — нация — индивидуум», без теоретического уяснения которой невозможны практические рекомендации.

Авторы предлагают в сопоставлении двух культур и двух языков выделить прежде всего общечеловеческое, совпадающее. Тем самым как бы отделяется общечеловеческое от национального. Авторы тут же оговариваются, что они имеют в виду «только план содержания двух языков, потому что в плане выражения два языка практически никогда не совпадают» (стр. 49). Нет необходимости толковать такие слова, как *мать, нос, стол, республика, ночь, вода...* Здесь действительно достаточно прибегнуть к переводу, найти иноязычный эквивалент. Но даже в предложенном авторами ряду «эквивалентных слов» можно выделить слова, которые воспринимаются по-разному носителем русского языка, советским человеком, и представителем другой страны, другой идеологии, с иным

языком и иной культурой (ср., например, осмысление таких слов и словосочетаний, как *социалистическая республика, буржуазная республика*).

Интересные наблюдения в социолингвистическом и лингвострановедческом плане мы найдем, в частности, в книге О. Есперсена «Человечество, нация и индивидуум с позиций лингвиста», вышедшей еще в 1925 г.: «...где бы ни возникло словесное общение, одни слова не могут передать все — подтекст, детали, ситуацию, характер отношений между собеседниками — здесь помогает знание традиций, сложившегося жизненного фона»¹. Взаимосвязь «язык — общество» очень давно привлекает внимание ученых. Если не считать наблюдений над соотношением «слова — вещи, реалии», подготовивших почву для рождения собственно социологических идей в лингвистике, то одним из первых должно быть названо исследование Поля Лафарга «Язык и революция» (1894). В русской науке прослеживается уже с начала века социологическое направление. Вторая половина 20-х годов и 30-е годы были временем расцвета русской социологической лингвистики. Нельзя не назвать хотя бы некоторые имена основоположников социологического направления в нашей науке. Это Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, В. И. Абаев, Р. О. Шор, Ф. П. Филин, Р. А. Будагов, К. Н. Державин и др.²

Гораздо позднее, только в 50-е годы, родился американский термин «социолингвистика». К сожалению, американские ученые не ссылаются на своих советских предшественников. Термин «социолингвистика» получил широкое распространение. Лингвострановедение — это частное ответвление многоаспектной науки о языке и обществе — социолингвистики. Теперь и в методике преподавания языка наблюдается преобладание социологических идей, столь характерных для социалистического общества. Для социолингвистики предмет исследования — язык во всем его многообразии, дифференциации, вариантности, обусловленной социальной неоднородностью языкового общества (от диалекта, городского просторечия до литературного языка). Лингвострановедение опирается на единый нормативный язык, норма и система которого определялись в процессе формирования национального коллектива. Вариантность языка для лингвостранове-

¹ O. Jespersen, *Mankind, nation and individual from a linguistic point of view*, Oslo, 1925, стр. 10.

² См. обзор социолингвистических работ, хотя и не полный, в статье: В. М. Ж и р м у н с к и й, Марксизм и социальная лингвистика, сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.

дения ограничена функционально-стилистическими особенностями, которые в свою очередь обусловлены потребностями языкового общения в разных ситуациях (разговорная речь, научно-деловая речь и т. п.).

Социальная основа языка обычно складывается исторически. Но для лингвострановедения важен прежде всего синхронный срез. Синхронно, однако, нельзя изолировать от диахронии. Динамический процесс развития языка ощущается в самой его статике. Синхронный срез языка как бы пронизывается диахронными отношениями². Так, например, советизмы *красный командир, красный уголок, красная суббота, красная яранга* могут быть осмыслены только на фоне более широкого семантического движения от смысловой кальки *красный* «революционный», известной многим языкам мира, до «несущий знания, просвещение, передовые идеи». Эти значения обусловлены советским строем, новым укладом жизни в нашей стране.

Углубляясь в диахронию, конечно, надо соблюдать и чувство меры. В лингвострановедении исторические экскурсы ограничиваются требованием — не исследовать специально историю слов, а обеспечить так называемую коммуникативность, понятийную открытость в языковой «картине» данного общества, ввести ученика в живую языковую среду.

Лингвострановедение должно охватывать все уровни языка — лексический, грамматический, фонетический, стилистический. Но характер отражения жизни общества на каждом уровне специфичен: непосредственный в лексике, опосредствованный в морфологии и фонетике, в синтаксисе и стилистике (ср.: речь разговорная и письменная, нормативная коррекция, просторечные отступления и явления суперкоррекции в орфоэпии). Бесспорно, что социальные мотивы передаются ярче, четче и непосредственнее в лексике. Именно лексика стала предметом исследования первой нашей лингвострановедческой работы. Авторы предлагают классификацию национально окрашенной лексики. Это прежде всего безэквивалентная лексика, которая в свою очередь разделена на семь групп: 1) советизмы (*Верховный Совет, агитпункт, бригада*); 2) слова нового быта (*ЖЭК, звуковец, совет*); 3) наименования из традиционного быта (*борщ, каша, ушанка*); 4) историзмы (*аршин, золотник, уезд*); 5) фразеологические единицы (*Юрьев день, подковать блоху, всем миром*); 6) слова из фольклора (*добрый молодец, красная девица, мед-пиво пил...*); 7) безэквивалентные слова нерусского происхождения — тюркизмы, украин-

низмы, монголизмы и т. д. (*сарафан, парубок, тибетейка*) (стр. 53—66).

Принцип этимолого-исторической классификации лексики безусловно имеет свои преимущества, позволяет представить, раскрыть в лексике историю страны, ее быт, международные и межязыковые контакты. Однако предложенная авторами классификация вызывает и некоторые критические замечания. Насколько этимолого-историческая классификация понятна и целесообразна для иностранца, изучающего неродной язык? Такая классификация безусловно интересна с филологической точки зрения. Но с точки зрения коммуникативности она не облегчает уяснение лексических значений, так как лишена тематических ассоциаций. Группу наименований из традиционного быта (*коса, косарь, изба, сени*) трудно отделить, например, от историзмов (*кушак, кафтан*), фольклорных слов (*кудесник, русалка*) или безэквивалентных слов нерусского происхождения (*сарафан, халат*). Кстати, многие слова, отнесенные в разные группы, — наименования из традиционного быта, историзмы, безэквивалентные слова нерусского происхождения, — этимологически представляют одну группу безэквивалентных слов нерусского происхождения (*аршин, кафтан, кушак, сарафан, халат*). Тем самым складывается перекрещивающаяся классификация. Быть может, в учебных целях практически удобнее была бы классификация, в основе которой лежал бы принцип построения, принятый в идеографических словарях — тематическая ассоциативность, открытая понятийность (слово → понятие → тематическое гнездо).

Отмечая в своей классификации лексики ее исторические контакты с языками народов Востока, авторы почему-то исключают подобные языковые контакты с западными народами. В седьмую группу авторы «включили безэквивалентные слова нерусского (но не иностранного!) происхождения, так называемые тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т. д.» (стр. 65). Однако слова, указанные авторами как «характерные для национальных культур ряда народов нашей страны» (*тайга, баяр, бурак, тибетейка, брына, мечеть, караван, арык, бай, калым, чадра, орда* и т. д.), были заимствованы у разных народов в тот период, когда территориальное распространение языков было иным, чем сейчас. Поэтому разделение заимствованных слов на нерусские и иностранные по происхождению едва ли целесообразно, оно не отражает сложных исторических контактов во взаимоотношениях народов и вряд ли оправдано в страноведческих целях.

В группу фольклорных слов введены пары полигласных и неполногласных (собственно русских и старославянских) соответствий, но стилистическая и исто-

² Р. А. Будагов, *Язык, история и современность*, М., 1971, стр. 25—41.

рическая роль книжных старославянских лексических проникновений в народное творчество в книге не отмечена. В современном же языке старославянизмы (*око, чело, глаз*), как известно, связаны с высоким стилем или стали нейтральными словами (ср.: *глава государства — глава романа*).

Авторы исключают из своего поля зрения «ложных друзей переводчика» — заимствования, подвергшиеся ассимиляции и адаптации в системе русского языка. Однако подобные заимствования как нельзя лучше раскрывают активную роль заимствующего языка, демонстрируют его фонетические, лексико-семантические, грамматические и стилистические особенности, неразрывную связь языковых явлений с потребностями общества (ср. хотя бы функционирование слова *революция* в русском и английском языках). На фоне «ложных друзей переводчика» легче очертить и частичную интернационализацию лексики, возникновение интернационализмов — этих истинных добрых друзей переводчика.

Вероятно, следовало бы выделить фразеологизмы, возникшие в народной речи (*косая сажень, Юрьев день, баблущи биты*), и крылатые слова, пришедшие из письменных источников. Вживание крылатых слов в общенародный язык демонстрирует влияние нашей литературы на русский язык, роль писателей, роль просвещения, всеобщего образования, приобщения широких масс к письменным источникам культуры.

В классификации национально окрашенных слов авторы называют второй группу коннотативных слов. Вместе с безэквивалентной лексикой иностранец должен усвоить и новые понятия. Хотя коннотативные слова означают знакомые понятия, специфические «оттенки значения», новые для иностранцев ассоциации, нюансы делают их как бы неизвестными, неизвестными (стр. 78): Ср.: *невеста, жених — суженая, суженый*. Изучение такой лексики представляет большие трудности. В комментарии не всегда возможно определять тонкие, едва уловимые в описании оттенки. Художественный текст, как правило, требует в подобных случаях комментирования, дополнительных объяснений. Коннотативная лексика нуждается в выработке особого типа толкования — демонстрации значений на очень выразительных примерах.

Третьей группой национально окрашенной лексики авторы называют фоновую лексику (стр. 123—171). Понимание в этом случае связано не с отдельным словом, а с текстом, обусловлено так называемыми фоновыми знаниями — знаниями, необходимыми для участников коммуникативного акта, обязательными для всех членов определенной языковой общности. Авторы тщательно разрабатывают и предлагают методику определения

и преподнесения фоновых знаний, необходимых не только для понимания народного творчества и художественной литературы, но и для массовой информации (подтекст, аналогия, иносказание, метафора, сравнение, переносные окказиональные значения и т. п.).

В плане лингвострановедческих наблюдений, проведенных авторами, представляется значительной проблема ключевых слов, не попавших, однако, в их поле зрения. Ключевые слова (*культура, машина, революция, спутник, ЭВМ*) хотя и не являются безэквивалентными, но характеризуют уровень развития страны и тем самым имеют прямое отношение к лингвострановедению.

Объем национально окрашенной лексики, вероятно, должен варьироваться в зависимости от учебных целей. Если вспомнить дифференциацию учебных задач, предложенную Л. В. Щербой⁴, то для «туристского» языка достаточно овладение ядром национально окрашенной лексики, не имеющей или почти не имеющей эквивалентов в других языках. Для филолога, для будущего преподавателя русского языка необходимо тщательное изучение всех трех лексических групп, намеченных авторами. Изучение этой лексики, как они сами подчеркивают в своих исходных теоретических обоснованиях (стр. 47—49), должно проходить в сопоставлении двух конкретных языков — русского и языка, родного для иностранца.

Еще один очень важный вопрос связан с процессом обучения языку и сферой будущего общения. Обычно различают три сферы общения: повседневную, научно-техническую и литературно-художественную. Полагают, что страноведческий аспект особенно важен в первом случае, менее необходим во втором и получает специфическое преломление в третьем, поскольку степень связанности творчества писателя с окружающей действительностью может быть различной⁵.

Совершенно бесспорно, что в зависимости от сферы общения меняется характер и роль страноведческих знаний. Уже тогда, когда были признаны плодотворными рекомендации Соссюра (опыты Пальмера в преподавании английского языка в Японии), было уделено внима-

⁴ Ср.: «Europäische Schlüsselwörter, Wortvergleichende und Wortgeschichtliche Studien», I—IV, München, 1963—1967.

⁵ Л. В. Щербина, Преподавание иностранных языков в средней школе, М.—Л., 1947, стр. 28.

⁶ В. Г. Гак, [рец. на кн.:] Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Язык и культура..., «Р. яз. в шк.», 1974, 1, стр. 102. См. также: Б. И. Матвеев, [рец. на кн.:] Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Язык и культура..., «Р. яз. в шк.», 1974, 1, стр. 92—95.

ние различия между устным общением и литературными текстами. О. Есперсен в упомянутой книге «Человечество, нация, индивидуум с позиции лингвиста» приводит интересные наблюдения в этой области польского этнографа В. Малиновского. Но тут же О. Есперсен делает важное замечание о том, что, несмотря на языковую специфику, нет непреходящей границы между разными языковыми сферами. В. Малиновский допустил ошибку, полагая, что филологи изучают тексты, ограничиваясь чисто языковыми размышлениями, и не привлекают знаний о внешнем мире, т. е. экстралингвистические знания. Может быть, это и справедливо по отношению к филологам, занимавшимся мертвыми языками, но современная филология противостоит старой школе⁷. В социологическом, страноведческом плане очень поучительны словарные записи Ф. Энгельса к пушкинским «Евгению Онегину» и «Медному всаднику»⁸. Следовательно, и на этом настаивают авторы, культурно-исторические, страноведческие знания необходимы для чтения и понимания литературного текста. Это с одной стороны. С другой — изучение языка, проникновение в его семантику идет «через» литературные тексты. Разыскания, посвященные литературе, «представляют лишь часть того трудного пути, которым шел лингвист, принужденный внутренним развитием своей науки обратиться к истории литературы за новым материалом для исследования вопросов слова». Это писал В. В. Виноградов в 1929 г.⁹ Обратим особое внимание на слова о том, что развитие науки о языке требует обращаться к истории литературы, к текстам, запечатлевающим языковую «картину» эпохи.

Конечно, культурно-исторический, страноведческий факт присутствует в разной степени в зависимости от сферы общения. В повседневном бытовом общении необходимы в первую очередь те страноведческие знания, которые передаются пассивно, живут в семье, социальной группе, коллективе. Слово соединено с традиционной формой поведения, жестом и другими так называемыми *body idioms*¹⁰, или невербальными

средствами коммуникации (стр. 103—122). В научно-деловой сфере общения как бы стирается страноведческий план, интернациональное «отодвигает» национальное. Но и здесь, говоря об интернациональном, надо быть предусмотрительным. Даже интернациональные термины внутри каждого языка отличаются их же функциональными особенностями. Что же касается литературно-художественной сферы, то здесь общенациональные, общезыковые явления нередко преломляются в индивидуальном восприятии большого писателя. Проблема «человечество — нация — индивидуум» приобретает особое значение. План страноведческий должен и освещаться и пониматься как бы с двух точек зрения — общенациональной и индивидуальной, при этом с позиций современного читателя, но с учетом эпохи автора. Во взаимосвязи «общечеловеческого — национального — индивидуального» и заключается специфика страноведческого плана. Великие национальные литературные произведения — это, как известно, общечеловеческое достояние (ср.: Шекспир, Бальзак, Лев Толстой, Достоевский, Чехов).

Книга Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» представляет собою «руководство к действию» для преподавателей русского языка иностранцам и источник страноведческих знаний.

Русская наука всегда отличалась умением соединять теорию и практику. Почти все выдающиеся языковеды были и педагогами — Буслаев, Шахматов, Фортунатов, Щерба. В русском языкознании родилась социальная лингвистика. Теперь социологическая традиция науки естественное продолжение в лингвострановедении. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем»¹¹. Вот почему таким важным и нужным предметом представляется лингвострановедение. Книга Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» положила начало интересному и важному направлению в методике преподавания русского языка иностранцам. Она послужит доброй службой нашим многочисленным кадрам и зарубежным специалистам, которые занимаются изучением и пропагандой русского языка в самых разных странах мира.

| А. А. Брагина

⁷ О. Jespersen, указ. соч., стр. 10—11.

⁸ М. И. Алексеев, Словарные записки Фридриха Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику», сб. «Пушкин. Исследования и материалы», М.—Л., 1953.

⁹ В. В. Виноградов, Эволюция русского натурализма, Л., 1929, стр. 5.

¹⁰ Н. В. Глаголев, Экстралингвистическая основа конструирования пред-

ложения в речи, ФН, 1974, 2, стр. 49—59. Здесь же см. и библиографию вопроса.

¹¹ И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, М., 1959, стр. 16.